

СООБЩЕНИЯ

Протопресвитер Борис Бобринский

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРХИМАНДРИТЕ КИПРИАНЕ (КЕРНЕ)

Предлагаемая вниманию читателей публикация представляет собой личные воспоминания об архимандрите Киприане (Керне; 1899–1960) — известном церковном ученом, жизнь и деятельность которого была связана с различными Православными Церквями и институтами. Он нес свое пастырское служение в качестве преподавателя Битольской духовной семинарии (Сербия), более 2-х лет был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, профессором в Православном Свято-Сергиевском институте в Париже. Именно парижскому периоду жизни и посвящены настоящие воспоминания. В них автор запечатлел образ о. Киприана как педагога и чуткого духовного наставника.

Ключевые слова: *архимандрит Киприан (Керн), Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, воспоминания, богословская наука.*

Мне привелось познакомиться с отцом Киприаном в 1942 году, будучи еще школьником. В то время о. Киприан уже вот несколько лет как покинул улицу Лурмель в Париже, где он священствовал при «Православном деле», созданном матерью Марией (Скобцовой), и он стал настоятелем домово́й церкви семьи Трубецких, имени святых Константина и Елены, в Клараре (в предместьях Парижа). Помимо этого, о. Киприан был приглашен в Свято-Сергиевский православный богословский инс-

титут читать курс литургики. Впоследствии, когда прот. Георгий Флоровский оказался в Греции на все время войны, о. Киприан занял и кафедру патрологии, а затем и пастырского богословия.

О. Киприан стал моим духовным отцом и руководителем в трудные годы немецкой оккупации. Уже с юных лет я стремился к священству, и духовное водительство о. Киприана оказалось для меня неоценимой поддержкой и помощью.

О. Киприан занимал небольшую комнату с кухней (которую делил с А. В. Карташовым и его супругой Павлой Полиевктовной) на 2-м этаже профессорского дома. Стены были уставлены полками с книгами. Многие книги были редкостью, и о. Киприан ими дорожил, говорил, что книга одолженная — потерянная книга. В углу были иконы с аналоем. Перед ними мне приходилось стоять на исповеди. Обычно, после разрешительной молитвы, о. Киприан усаживал меня и угощал «греческим» кофе, в маленьких фарфоровых чашках. Он любил вспоминать о событиях и встречах прошлого, на Востоке, подробные записи о которых сохранял в дневнике. Вообще, от самого облика и обстановки о. Киприана веяло Востоком и внушалась нам любовь к восточному Православию.

Последний год военного времени был особенно трудным. Часто и подолгу метро и автобусы не ходили, и о. Киприану приходилось отправляться пешком через весь Париж, ночевать на полпути у гостеприимных друзей (довольно часто — в семье Бориса Константиновича Зайцева¹, с которым он был очень близок), и затем уже доходить до Кламара, где он неизменно и без пропусков совершал воскресные и праздничные богослужения. Обратный путь на Сергиевское подворье совершался таким же образом.

Я любил молиться в кламарском деревянном храме. О. Киприан служил прекрасно, величаво. Его служение стало для меня идеалом и примером на всю жизнь.

Осенью 1944 года я поступил студентом в Богословский институт. Помню первоначальную беседу о. Киприана с нами, новоначальными студентами (среди которых был и Иван Мейендорф²). Слова его потряс-

¹ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — русский писатель и переводчик. Подробнее о нем см.: Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 532–535. Здесь и далее все примечания принадлежат редакции журнала «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии».

² Мейендорф Иван Феофилович (1926–1992) — протопресвитер, богослов и церков-

ли нас. Они были приблизительно таковы: «Вы приближаетесь к Тайне, пред которой ангелы закрывают свои лица крыльями (и о. Киприан подымал эффектно рукава широкой греческой рясы, и мы исполнялись трепетом и удивлением). Подумайте хорошенько, желаете ли вы идти по избранному вами пути. Еще не поздно одуматься». Он указывал на трудный подвиг богословствования, напоминал, что богословская наука ревнива и не терпит двоедушия и легковесности.

Мне бы хотелось именно здесь привести несколько выдержек из писем о. Киприана о советах к духовной жизни: «По поводу Ваших слов о возрастах и сроках, когда принимать решения в жизни религиозной, думаю, что зажигать и ставить свечу надо пока она еще целая, а не огарок, но сообразываясь с личными особенностями, с окружающей средой, не под влиянием настроений и опасностей или разочарований, а вполне спокойно, твердо, уверенно. А главное, надо иметь мудрых, трезвых и очень духовно уравновешенных руководителей» (письмо от 7 августа 1945 г.).

«Что мне ответить на Вашу исповедь? Вы ведь знаете, что лечить свою душу надо не от грехов, как злых дел, конкретных дурных поступков, а от состояний нашей души, от устремленности ее на то или иное злое, греховное расположение. Поэтому, когда мы свою духовную жизнь рассматриваем не как состояние в ту или иную минуту наших злых дел, а как постоянную, непрекращающуюся борьбу мотивов, стремлений, страстей, то не отдельные поступки имеют первенствующее значение, а именно общее расположение нашей души. Бороться надо со страстями, это Вы знаете. Способов борьбы много, а все их надо свести во едино [sic!] — к подвигу, к узкому пути. Полезно препобеждать данную страсть противоположною добродетелью: чревоугодие — постом, скупость — милостынею, гнев — терпением, а гордость, мать всех пороков, — смирением. Но главное, помнить надо, что не один раз смириться, а постоянно упражняться в смирении, смирать себя во всем: в мыслях, чувствах, в делах. А молитва, конечно, главное наше духовное богатство. Молитвенную стихию стяжать надо, и когда это главное оружие Вами приобретено, то им можно многое вымолить. Но опять-таки постоянством в молитве. Не впадайте в разочарование от того, что не сразу Вы стали великим богомольцем, смиренным человеком и незло-

ный историк. Подробнее о нем см.: Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / сост. А. В. Левитский. Екатеринбург, 2003.

бивым; а с терпением и постоянством работайте над собою, не полагаясь на свои оценки и на свои собственные диагнозы. Это предоставьте знать другим, а главное Богу. Еще о молитве: не количество ее ценно, а качество. Пусть и кратки, но от сердца и от ума да исходит Ваше молитвенное воздыхание» (письмо от 27 ноября 1945 г.).

И еще одно: «Пожалуйста, не нервничайте, отдыхайте, учитесь, читайте и только не думайте слишком много о том, что Ваше бодрое настроение помешает вашему духовному бытию. Жизнь духовная, насколько я понимаю, не должна вовсе сопрягаться с печалью, мрачностью, унынием, минорностью и прочее. Не проще ли нам надо всем жить в отношении к Богу и религии? Не строим ли мы слишком всяких стилизаций под что-то и кого-то? Жизнь со всеми ее повседневными делами тоже должна войти в наш религиозный быт. Ведь в монастырях все составляет совокупность духовного устройства: и кухня, и послушание в лесу или мастерской, и заботы по принятию гостей, а не только одно стояние в храме, четка, духовное чтение и созерцание. Все, — и тело, и труд, и отдых, как и молитва нужны Богу, ибо это все составляет всецелого человека. И почему это все должны убегать в монастыри? Не думаете ли Вы, что то духовное и психологическое монофизитство, которого мы в теории боимся, на самом деле следует за нами по пятам? Нелюбимый мною Достоевский где-то говорит: “Какой же ты безбожник, ты ведь веселый” (или что-то в этом роде). Не в грусти и не в поспулении бровей состоит угодное Богу житие. “Правда и мир о Дусе Святе”. Храни Вас Бог в этом» (письмо от 15 июля 1946 г.).

В годы моего студенчества на Подворьи о. Киприан защитил докторскую диссертацию об «Антропологии св. Григория Паламы»³. Это было для нас неопределимым откровением целой области поздневизантийского богословия, тогда еще мало известного, даже в православных кругах. Было лишь издано очень ценное исследование афонского инокa Василия Кривошеина (будущего архиепископа) в пражской серии *Seminarium Kondakovianum* об «аскетическом учении св. Григория Паламы».

По поводу этой своей диссертации, изданной в 1951 году, о. Киприан мне писал: «М[ожет] б[ыть], эта книга доставит Вам удовольствие, а м[ожет] б[ыть], Вы в ней почерпнете кое-что для Ваших полемических

³ *Архимандрит Киприан [(Керн)]. Антропология св. Григория Паламы. Париж: YMCA-Press, 1950. 450 с. (репринт этого издания см.: М.: Паломник, 1996).*

и паламических устремлений. Будьте снисходительны к ее дефектам. Многие, вероятно, мне поставят в упрек, что я мало обращался к разным западным монографиям о святых отцах. Это меня меньше всего интересовало. Я гл[авным] обр[азом] устремлялся к святым отцам, старался их разгадать и восстановить их метод мышления. Святоотеческой антропологией вообще слишком мало занимались, а если и пытались это делать, то совершали это по традиционным западным рамкам и категориям. Я же в своей книге старался стать на точку зрения отеческую, а именно: христоцентрический взгляд на человека, символический реализм в учении о мире (и о человеке), мистическое восприятие образа и подобия Божия. Да и паламитскую антропологию рассматриваю я паламитически: изучаю человека в паламических категориях сущности, энергии и ипостаси. Простите за саморекламу. Очень и очень, поверьте мне, сознаю немощи и недостатки моего труда. Будьте снисходительны» (письмо от 13 марта 1951 г.).

Курс патрологии⁴ о. Киприана был примером педагогического таланта и умения ввести нас в духовный мир отцов Церкви и полюбить их. Тогда же вышла его книга об «Евхаристии»⁵, с очень для нас ценным анализом и критическим разбором западного и восточного учения о «пресуществлении» Святых Даров и об эпиклезе. Надо указать, что в 50-е годы еще очень было заострено различие между римо-католическим учением о пресуществлении установительными словами Спасителя и православным учением об освящающем и совершительном действии Св. Духа.

Помню также его лекции по пастырскому богословию, легшие в основание его книги «Православное пастырское служение»⁶. Отмечу, в частности, его бережное и внимательное отношение к т. наз. «das матушка Problem», т. е. к вопросу о брачной жизни православного пастыря.

Годы обучения и жизни в Сергиевском подворье, с его отмеренными уставными ежедневными богослужениями, особенной красотой великопостных и пасхальных служб, с живым общением с профессорами и студентами были для нас, и для меня в частности, определяющими в

⁴ См. переиздание этого труда: *Киприан (Керн), архим.* Патрология. Ч. 1. Париж; М., 1996. 196 с.

⁵ *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. Париж, 1947. Русское переиздание книги см.: *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия: из чтений в Православном богословском институте в Париже. М., 2006.

⁶ *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. Париж, 1957 (переиздание см.: Клиш, 2002).

моем духовном и богословском становлении. Во всем этом о. Киприан сыграл немаловажную роль.

С 1949 по 1951 гг. я был в научной командировке в Афинском университете, и здесь завязалась переписка с моим «Аввой», которая укрепила меня в эти годы отдаленности от «отчего дома». Вот краткая выдержка из письма, в котором о. Киприан вспоминает былые годы своей молодости на Востоке, более всего в Иерусалиме, начальником Русской духовной миссии: «Ваши оба письма меня взволновали, всколыхнули, напомнили массу таких впечатлений, которыми всегда услаждаюсь в минуты тяжелых раздумий [...] От Ваших слов веет на меня давно забытыми реальными фактами и впечатлениями из своей собственной жизни, а также и теми же видениями, которые я так жадно поглощал когда-то в писаниях, письмах, дневниках моих любимых героев, о. Антонина и еп. Порфирия. Да, да... снеговые вьюги в горах, монастыри XIV-го века, старые монахи, гостеприимство жителей, божественное греческое пение, их сельские священники, и являющиеся в сущности настоящими носителями Православия и церковности... Где все это в моей жизни?.. А когда-то и я дышал этим воздухом, оживлялся у этих огней, любовался строгим ликом греческого благочестия. Вы пишете «безвкусоность». Не говорите так! Это чисто внешнее. То, что они довольствуются бумажными пестрыми иконками за неимением иных, то, что их попы в Афинах ходят в штатском, это все несерьезно. Под всем этим, как под легким слоем пепла, лежит и теплится огонь подлинного Православия. Не забудьте того, что лет 80 назад тому и мы еще не ведали наших древних икон, и у нас с благословения Синода фирма Фесенко в Одессе распространяла и наводняла и Россию и весь Восток такими жуткими иконками, что греческие теперешние — ничто по сравнению с ними. Живите, наслаждайтесь, упивайтесь Грецией. Она и только она наша мать. Изучите хорошенько новый язык, конечно, сильно вульгаризированный, но корнями уходящий в божественную речь Гомера, Платона и Фотия. Это Вам не какие-то славянские душевности, божественная древность Эллады. Прошу молитв. Почаще вспоминайте меня и у языческих святынь, которые и в своей языческой красоте навеяны дыханием Духа Параклита» (письмо от 13 февраля 1950 г.).

Последние годы, помимо преподавания богословия, о. Киприан увлекся составлением обширной картотеки духовных деятелей Русской Церк-

ви от конца XVIII века и до 1917 года, но работу затрудняла недоступность некоторых необходимых ему епархиальных ведомостей, издававшихся большинством епархий Православной Церкви в Российской империи⁷.

В последний, 1959-й, год жизни о. Киприана (sic!) я был рукоположен во диакона на Вознесение. Мне посчастливилось служить диаконом при о. Киприане в его кламарском храме. Это была лучшая школа служения, которую можно было пожелать. На следующий день после иерейской хиротонии (которая состоялась 5/18-го октября, в день памяти святителей Московских) я служил свою первую литургию в храме Сергиевского подворья, и о. Киприан был около меня всю службу, направляя меня и наставляя до самых мелочей. Это была духовная зарядка на всю последующую жизнь.

Закончу эти страницы воспоминанием о кончине моего Аввы. Он безвременно устал жить и видел во сне близких ему ушедших, которые его звали. Он предчувствовал свою кончину, и мне о ней поведал. Заболел воспалением легких, и несмотря на высокий жар, он все же захотел ехать служить в Кламар. Мне лишь удалось уговорить его дать мне послужить литургию. Мы вместе отправились ранним утром в морозную погоду на метро и автобусе. Храм тогда слабо отапливался, и мы зажгли всевозможные огарки, чтобы хотя бы малость нагреть храм. О. Киприан причастился Св. Таин и потребил Святые Дары, пока верующие подходили ко кресту. Вернувшись домой на Сергиевское Подворье о. Киприан окончательно слег. Он скончался под утро 11-го февраля в день памяти св. священномученика Игнатия Богоносца, в 60-летнем возрасте, в своей комнате на Сергиевском подворье (теперь в ней кабинет декана института), оставив богатое богословское наследие и благодарную о себе молитвенную память у множества своих духовных детей.

10 ноября 2016,
Bussy-en-Othe

⁷ Кроме картотеки духовных деятелей Русской Православной Церкви, о. Киприан занимался составлением указателя к переводам на русский язык святоотеческих текстов. Оригинальное издание см.: *Les traductions russes des textes patristiques: guide bibliographique*. Chevotogne, 1957. 74 p. В 2007 г. этот указатель был издан на русском языке: *Киприан (Керн), архим.* Русские переводы патристических текстов: библиографический справочник / подготовка текста В. В. Шмидта // Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси — созидание государства Российского: в 3 ч. Ч. 1. М.: Изд-во РАГС, 2007.

Протопресвитер Борис Бобринский

Об авторе. Автор воспоминаний — протопресвитер Борис Алексеевич Бобринский, внук председателя Императорской Археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского, родился в Париже 25 февраля 1925 г. В 1944–1949 гг. обучался в Свято-Сергиевском Православном богословском институте, где в 1949 г. получил степень кандидата богословия. В 1949–1951 г. по рекомендации о. Киприана (Керна) обучался на богословском факультете Афинского университета, изучал древние рукописи в монастырских библиотеках Святой Горы Афон. В 1954–2005 гг. возглавлял кафедру догматического богословия Свято-Сергиевского богословского института. С июня 1959 г. был «прикомандирован» к храму свв. Константина и Елены в Клараре, близ Парижа, настоятелем которого был о. Киприан (Керн), а в октябре 1959 г. назначен «инспектором Православного богословского института в Париже — Свято-Сергиевской духовной академии». В 1965–1967 гг. подготовил докторат при протестантском богословском факультете в Невшател в Швейцарии. С марта 1973 г. до выхода за штат являлся настоятелем Храма Святой Троицы при кафедральном русском соборе святого Александра Невского в Париже. В 1970 г. возглавил радиовещательную ассоциацию «Голос православия», осуществлявшую трансляцию с территории европейских стран богослужений и церковно-просветительных передач для аудитории в советской России. В 1987 г. защитил докторскую диссертацию в Свято-Сергиевском богословском институте, обязанности ректора которого нес в 1993–2005 гг. — *А. К. Клементьев*.

Источники и литература

1. Les traductions russes des textes patristiques: guide bibliographique. Chevetogne, 1957. 74 p.
2. *Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович* // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008.
3. *Киприан [(Керн)], архим.* Антропология св. Григория Паламы. Париж: YMCA-Press, 1950. 450 с. (репринт этого издания см.: М.: Паломник, 1996).
4. *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия: из чтений в Православном богословском институте в Париже. М., 2006.
5. *Киприан (Керн), архим.* Патрология. Ч. 1. Париж; М., 1996. 196 с.
6. *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. Париж, 1957 (переиздание см.: Клин, 2002).
7. *Киприан (Керн), архим.* Русские переводы патристических текстов: библиографический справочник / подготовка текста В. В. Шмидта // Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси — созидание государства Российского: в 3 ч. Ч. 1. М.: Изд-во РАГС, 2007.
8. Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / *сост. А. В. Левитский*. Екатеринбург, 2003.